

А.Д. Салтыков

Путешествие в Персию

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Д. Салтыков**
Путешествие в Персию / А.Д. Салтыков – М.: Книга по Требованию, 2017. –
86 с.

ISBN 978-5-518-08575-6

ISBN 978-5-518-08575-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

п р е д и с л о в и е.

Еще въ дѣтствѣ познакомился я съ известнымъ нашимъ художникомъ Орловскимъ. Онъ былъ на Кавказѣ, и его кисть тогда уже переносила мое воображеніе на Востокъ. Въ то же время я узналъ о Персидскомъ посольствѣ въ Россію, и ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ оно прибыло, въ 1816 году, въ С.-Петербургъ; мнѣ тогда было 12 лѣтъ. Въ одинъ туманный зимній день, въ три часа по полудни, нетерпѣливое ожиданіе мое разрѣшилось трепетнымъ чувствомъ удовольствія. У окна родительскаго дома на Дворцовой набережной, раздался торжественный звукъ кавалергардскихъ трубъ, и вдали появились двѣ громады, которыя медленно, съ страннымъ колебаніемъ, подвигались впередъ. Это были слоны, предшествующіе повозку посольства. Въ чудномъ убранствѣ, фантастически описанные, и въ сапогахъ, эти дивящіеся колоннады прошли какъ чудныя созданія незнакомою міра. Слѣдомъ въехали два Абиссинца въ бархатной шитой золотомъ одеждѣ на ярыхъ жеребцахъ. За ними угрюмые Персіяне, въ своемъ обычномъ нарядѣ, вели подъ уздцы двѣнадцать коней. Потомъ слѣдовала толпа Персидскихъ всадниковъ въ великолѣпныхъ парчевыхъ и шалевыхъ одеждахъ, и наконецъ придворная золотая карета цугомъ, съ скороходами и камеръ-пажами. Въ ней сидѣлъ посолъ, Фетъ-Аля-Шаха, Мирза-Абуль-Гассанъ-Ханъ, въ былой шалевой одеждѣ, съ алмазною звѣздой и зеленой лентой ордена Льва и Солнца. Его сопровождали девять Персидскихъ всадниковъ, съ заводными стравно-осѣдланными козлами. Весь поѣздъ заключался казачьимъ полкомъ и кирасирскимъ эскадрономъ.

Это странное виданіе произвело на меня сильное впечатлѣніе и породило страстное желаніе видѣть Востокъ и особенно Персію. Спустя долгое время, желаніе мое исполнилось: я былъ въ Персіи, прожилъ два года въ Индіи, извѣдалъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Любопытство мое еще не вполне удовлетворялось, а тоска по отчизнѣ томилъ уже меня, и я возвратился въ Россію, оживль чувствами. Но страсть къ путешествію замекла уже чувства мои. Европу я видѣлъ; она уже мнѣ опостыляла; въ Италиі и Испаниі мнѣ казалось все пошло и несносно; въ Англии, Германіи и Франціи мелочно и вестерпно: Индіа возстала въ памяти моей столь плѣнительной, что желаніе помять еще въ этой волшебной природѣ, посреди первоначальныхъ обычаевъ народовъ и нравовъ, неискаженныхъ ниюкою образованностію, было во мнѣ непреодолимо. Я поѣхалъ въ Индію, пробылъ тамъ цѣлый годъ въ безпрестанныхъ поѣздкахъ, осмотрѣлъ много мѣстъ, которыхъ не удалось видѣть въ первое мое путешествіе; но второе впечатлѣніе было не на столько уже облетено очарованіемъ, какъ первое. Скоро пожелалъ я снова родины; но любовь къ Индіи еще не изсякла, и, можетъ быть, я навѣщу ее въ третій разъ и взгляну болѣе безпристрастнымъ взглядомъ, болѣе изучу и природу и бытъ народа, столь строго и неулыбно живущаго въ неюнныхъ обычаяхъ своихъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ.

ВЛАДИКАВКАЗЪ , 22-ГО АВГУСТА 1830.

Наконецъ я у подошвы Кавказскихъ горъ. Въ воздухѣ примѣтна уже сырость и прохлада; кончилась равнина , по которой я тѣкалъ отъ самаго Петербурга до Владикавказа (за исключеніемъ Валдайскихъ возвышенностей). Здѣсь я оставляю конвой (пѣхотный и конный), который провожалъ меня отъ Екатеринодара, около ста верстъ , по Кабардинской плоскости, не безопасной отъ набѣговъ Черкесъ. До Тифлиса осталось только 170 верстъ. Дорога по Кабардинской плоскости проходитъ среди полей , заросшихъ высокою травой, и часто пересѣкается ручьями чистой и холодной воды. Мѣстами въ отдаленіи видны дубовыя рощи, а дальѣ синія горы. Изрѣдка встрѣчаешь стадо барановъ съ пастухомъ , въ которомъ нельзя не узнать Азіатца (Кабардинца или Осетина).

Хотя всѣ народы, обитающіе здѣсь, носятъ одинаковую одежду , но Азіатцы имѣютъ въ физіономіи и движеніяхъ что-то разительное и странное: въ нихъ нельзя ошибиться. Отъ чего такая суровая дикость въ ихъ лицахъ? Нашъ докторъ, при миссіи въ Персіи, Капгеръ, можетъ быть, справедливо замѣтилъ, что это происходитъ отъ солнца, потому что они не носятъ козырьковъ и принуждены хмурить брови.

Не знаю, какъ въ горахъ, а на равнинахъ Кавказскихъ нѣтъ другой пищи, кромѣ арбузовъ и яицъ. Яица въ жаркихъ климатахъ довольно вредны, а что касается до буракосъ изъ арбуза, въ томъ видѣ какъ ихъ дѣлаютъ здѣшніе жители, то надо имѣть слишкомъ невпичный вкусъ, чтобы довольствоваться столь патриархальною похлебкой. Цыплята въ сахаръ, какъ мнѣ ихъ подавали въ Ставрополѣ,* также не по моему вкусу. Но обратимъ вниманіе на Кабардинскія степи. Иногда проѣзжіи слышатъ скрипъ колесъ, возвѣщающій цѣпь телегъ, запряженныхъ волами и провожаемыхъ Осетинами. Изрѣдка попадаются близь дороги шалаши бѣдныхъ жителей. Я вошелъ въ одинъ изъ нихъ. Въ немъ сидѣла блѣкуралъ женщина въ бѣломъ платьѣ, высокая ростомъ, еще молодая, на деревянномъ диванѣ, въ странныхъ формахъ и изваяніяхъ котораго виденъ былъ первобытный стиль, а не подражаніе Европейскому, хотя нѣкоторое сходство съ готическими формами можетъ быть и доказывало Европейское происхожденіе Осетинъ. Неожиданный приходъ мой ни сколько не потревожилъ Осетинку, — она даже не взглянула на меня.

Мѣстоположеніе Владикавказа у подошвы ледяныхъ горъ похоже на Боценскую долину въ Тиролѣ. На базарѣ я видѣлъ людей разныхъ племенъ, которыхъ еще не умѣю различать.

Не знаю, къ какому народу принадлежатъ женщины, которые приносятъ продавать на базарѣ бѣдныя произведенія своихъ ауловъ. Покрой ихъ простой одежды изъ крашеной холстины носитъ на себѣ какой-то отпечатокъ первыхъ временъ Азіи; мнѣ показалось, что я вижу тѣхъ же самыхъ женщинъ, которыя здѣсь жили за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Выраженіе лицъ ихъ меня удивило. Я никогда еще не видывалъ подобной дикой простоты, кака я изображалась въ ихъ чертахъ. Вероятно, уединенныя жилища ихъ скрыты отъ шумной жизни въ одной изъ печальныхъ долинъ Кавказа, и они рѣдко приходятъ въ городъ.

* Гдѣ я неожиданно встрѣтился и обѣдалъ съ Хазы-Гирекъ, находящимися тамъ въ отпуску.

Но утомленное воображеніе не владѣетъ уже карандашемъ, и я принужденъ обратиться къ перу, сколь ни жалко это средство.

Наконецъ я совершенно окруженъ горами, въ узкой долинь, гдѣ стройные Черкесы скачутъ въ разныя стороны на легкихъ лошадяхъ, или живописно толпятся на лугахъ. Страна освѣщена утреннимъ солнцемъ; но некоторыя мѣста еще затаялись въ туманъ; все зелено; черныя буйволы резко отдѣляются на бирюзовой травѣ; высокія горы покрыты лѣсомъ; за ними другія еще выше въ темносѣрой тѣни, а далѣе снѣговыя вершины скрываются въ небесахъ. Женщина, которую я вижу на зрѣ, не дурна собой, коса ея завернута въ грубый холстъ, ноги и грудь обнажены: какаа странность въ пошатнн о прелнчнн!

Река змѣится и шипитъ въ долинь, которая все болѣе и болѣе суживается. Казачій пикетъ на крутомъ холмѣ доказываетъ, что мѣсто не совсемъ безопасно; но бѣдные жители вришеттвуютъ меня; дѣти просятъ милостыни; женщина, которая несетъ пошу на спншъ, также хотѣла бы дожидаться, чтобъ и ей что-нибудь дали, но шаравары ея взорваны въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболее требуютъ покровя, и потому она проходитъ, краснѣя, и закрывая руками обнаженное тѣло.

Однакоже берега обрацаются въ тѣсннну; становится сырѣе и темнѣе; дорога узка и покята. Открывается другой видъ, мрачный и днкнй; громады горъ одна надъ другой громоадятся около меня; уединенный ауль тавтся въ глухомъ ущельѣ. Черкесъ въ черпой буркѣ на вершинѣ хребта стережетъ свое стадо. Лѣса густуютъ на горахъ, стада овецъ разсыпаны по крутымъ утесамъ, пастухи лежатъ въ долинь на сухой травѣ, а лошади пасутся возлѣ нихъ. Съ какой необъятной вышнны спускаются тропы въ эту печальную долинь; по этимъ уединеннымъ стезямъ пришла сюда вся эта паства изъ бѣдныхъ деревель, сокрытыхъ въ горныхъ глубинахъ пустынныхъ скалъ. Мы остановились кормить лошадей въ самомъ дикомъ мѣстѣ; старинный замкъ на утесъ недавно еще былъ обитаемъ Осетинами, но теперь покинуть. Мы ѣдемъ далѣе; огромный камень лежитъ посреди дороги. Верно это обломкъ,

иногда упавшіи съ немнѣримыхъ стѣнъ, окружающихъ теперь меня; въ немъ почернѣвшія отъ огня владыны доказываютъ, что тутъ жили люди. Дорога идетъ сквозь кустарникъ дикихъ ягодъ; мутная рѣка шумитъ и рвется между скалъ; страшныя крутизны все болѣе сдвигаются предо мною, и какъ будто грозятъ заточить меня въ мрачной глубинѣ этого лабиринта. Еслибъ я вѣрилъ, что есть край свѣта, то конечно подумалъ бы, что онъ здѣсь. Мнѣ стало страшно, сердце сжалось, и я съ детскимъ безпокойствомъ искалъ въ темныхъ стѣнахъ дикихъ утесовъ, не пролится ли гдѣ путь; но казалось, что злой духъ Кавказа нарочно загородилъ его громадой исполинскихъ горъ. Чтобъ видѣть свѣтъ, я посмотрѣлъ на верхъ, но голова закружилась отъ необъятной вышины, я опустилъ взоръ и понялъ съ невольнымъ ужасомъ, что яду по дну необычайной пропасти, которой стѣны воздымаются до небесъ. Еслибъ я не встрѣтилъ. Русскаго солдата въ рандъ и въ бѣлой фуражкѣ, то подумалъ бы, что не здѣсь лежитъ мой путь, что я заблудился въ глуши безвѣстныхъ пустынь Кавказа, которыхъ дикое безмолвіе никто еще не нарушалъ; но тутъ везетъ меня ящикъ, сморкающійся рукой, въ полусолдатской одеждѣ.

Ущелье начинаетъ расширяться, и посреди его возвышается одинокая скала, а на ней древній замокъ, какъ орлиное гнѣздо, виситъ на крутизнѣ; здѣсь, можетъ быть, въ старину, обитало какое-нибудь хищное племя. Въ почернѣвшихъ отъ времени башняхъ и стѣнахъ, которыя я вижу на высотѣ, можетъ быть много несчастныхъ жертвъ томилось и погибло. Мирный голосъ не отвѣчалъ на безнадежныя вопли, и одно эхо грозныхъ горъ дико повторяло ихъ жалобныя крики. Вдругъ яркій лучъ солнца проникъ въ эту увылую пустыню, согрѣлъ меня и какъ будто озарилъ душу. Мертвая сѣрая тѣнь, лежащая на всѣхъ предметахъ, окружающихъ меня, превратилась въ живой свѣтъ; дикіе утесы и черныя развалины ярко заблестали и явились мнѣ волшебными замками въ очарованной долині.

Чтобъ насладиться сколь возможно болѣе природой, я по большей части иду прыжкомъ. Давно ли еще былъ я въ толпѣ гуляющихъ

по Невскому проспекту и набережной, — а теперь въ такой дали, въ такой глуши Кавказа, еду въ Персію. Неужели это истина, а не прекрасный сонъ? Но истина почти всегда однообразна и печальна; за то, въ вознагражденіе, самыя лестныя мечты оживляютъ мои чувства. Вотъ еще старинный замокъ; Черкесы, кажется, живутъ въ немъ; я вижу сакли подъ стѣнами башень.

22-го Августа 1838 года. Карета моя виситъ надъ пропастью; но опасности, кажется, нѣтъ: дорога не худа. Я вспомнилъ о Греціи, — мой путь изъ Пароса въ Навплию: тамъ горы не столь высоки, но дорога страшнѣе и опаснѣе; узкія тропы по скользкому сивгу, надъ глубокими пропастями, приводили въ трепетъ даже вѣрныхъ нашихъ муловъ; однакоже, въ замѣтъ трудности пути, мы пользовались видами дикой природы, ночлегами въ полуразвалившихся сараяхъ; ужинъ нашъ состоялъ изъ соленыхъ сливъ и вина, похожаго на скицидаръ; ибо въ Греціи въ вино кладутъ смолу или деготь, чтобъ оно некисло, путешественниковъ же утѣшаютъ уврѣненіемъ, что деготь полезенъ для желудка.

КРЕСТОВАЯ ГОРА. *

Я взобрался на Крестовую гору. Вся дикость природы исчезла. Необъятное пространство открылось далеко подо мной; тамъ горы, долины, лѣса и луга сливались въ одну гармоническую картину, — я не ласво повиная, гдѣ я. Мнѣ случилось иногда, что я блуждаю въ какихъ-то подземныхъ пещерахъ и тайныхъ переходахъ, и потомъ вдругъ выхожу на свѣтъ въ прекрасную долину; но такой пространной долины, какова теперь предо мной, я не видалъ во снѣ; мое воображеніе не могло нарисовать такой великолѣпной картины. Въ этомъ волшебномъ зрѣлищѣ была какая-то неизъяснимая важность и спокойствіе; какъ будто послѣ бури настала тишина, или послѣ дикихъ переходовъ Роберта вдругъ раздался хоръ ангеловъ. Эта необозримая картина была Грузія.

* Гуть-гора и Крестовая гора—одно и то же.

25-го Августа. Я долго спускался съ Кавказа, и когда въѣхалъ въ Грузію по направленію къ Тифлису, то видъ, окружившій меня, напомнилъ о берегахъ Рейна. Лѣсистыя горы, скалы, заросшія плющемъ, и старинныя замки, плѣняли меня съ обѣихъ сторонъ; но вмѣсто рва между этими горами была широкая долина, заросшая фруктовыми деревьями, виноградомъ, разнороднымъ плющемъ и кустарникомъ. Все это сплеталось въ одну теплую густоту и образовало непроницаемую утѣшницу отъ зноя и таинственный пріютъ для нѣги сердца и наслажденій. Посреди всего этого почти непримѣтно змѣняется бѣловатый ручей, называемый *Арагава*. Домовъ не видно, потому что Грузины пользуются покато-стями земли, чтобъ выкапывать въ нихъ пещеры, и тамъ живутъ; если же нѣтъ покатостей, то просто роютъ яму въ землѣ и сидятъ въ ней, прикрывъ свою нору вѣтвями; дышать тамъ трудно, — да все равно, надо же, — думаютъ они, — когда-нибудь лечь навсегда въ землю: такъ ужъ лучше заблаговременно привыкать.

Посреди густой зелени, совершенно не видно этихъ подземныхъ Грузинскихъ палатъ, — и тѣмъ лучше; это придаетъ таинственный и пустынный видъ долинамъ. Мѣстами ореховыя деревья раскидываютъ широкую тѣнь; изрѣдка видны луга; но трава пожелтѣла уже отъ солнца — небыгода хорошихъ климатовъ. На лугахъ пасутся коровы, буйволы и свиньи, отвратительное животное, которое портитъ поззію картинъ; но такъ какъ оно повсемѣстно, то по неволѣ надо стараться къ нему привыкать. Стада стерегутъ длинноусые Грузины въ полу-Персидской одеждѣ. Подъ тѣнью ореховыхъ деревьевъ иногда встрѣчаются небольшія строенія, состоящія изъ трехъ каменныхъ стѣнъ съ соломенною или настиляною изъ вѣтвей крышею; четвертой стѣны нѣтъ, передняя часть открыта; тутъ продаютъ вино и самый отвратительный сыръ изъ козьяго или овечьяго молока; иностранецъ не постигаетъ, какъ можно его ѣсть, а природные жители употребляютъ его, какъ обыкновенную пищу, съ большимъ вкусомъ. Около этихъ лавокъ (по тамошнему *духанъ*) лежатъ беззаботные Грузины, курятъ трубки или пьютъ вино; а женщины занимаютъ садами.

Берега Арагвы замѣтно становятся каменисты и бесплодны, по мѣрѣ, какъ приближаешься къ Тифлису, отъ котораго я теперь въ 18 верстахъ. За недостаткомъ лошадей я долженъ былъ остановиться въ Душетъ, сверзвѣшемъ городъ на высокомъ мѣстѣ. Я былъ очень голоденъ, и вылезалъ изъ кареты (это было поздно), рѣзительнымъ голосомъ спросилъ ужинать, ожидая, что на мое требованіе съ изумленіемъ отвѣтять, что ничего нѣтъ, какъ здѣсь въ Грузіи и на Кавказѣ обыкновенно водится; но, къ удивленію моему, трактирщикъ засуетился, началъ разводить огонь и будить своихъ товарищей, которые спали у порога подъ открытымъ небомъ; они медленно покидали одры свои.

По большой и унылой площади Душета, подъ глубокимъ сводомъ небесъ, богато усыпанномъ милліонами звѣздъ, ни малѣйшій взтерокъ не потрясалъ тишины воздуха, теплаго, какъ въ Русской банѣ, и испоменнаго аптечнымъ запахомъ ароматныхъ травъ. Въ ожиданіи ужина, я долго прохаживался, слышалъ уже пѣніе первыхъ пѣтуховъ. Немецъ приготовилъ для моего ночлега все необходимое; я видѣлъ, что давно уже горѣли Московскія свѣчи, которыми онъ гордился, но не шелъ въ комнату нарочно, чтобъ хотя ему досадить за то, что терплю такой продолжительный недостатокъ въ съѣстныхъ принасахъ.

Послѣ неоднократныхъ предвѣщаній утра Душетскими пѣтухами, я все еще бродилъ взадъ и впередъ, съ досадой въ душѣ, по безотрадной площади, и вдругъ слышу жалобные стоны погибающаго въ мученіяхъ существа. Смертный холодъ пробѣжалъ по мнѣ, и я весь оцепенѣлъ. Но слухъ мой удвоился, и я нѣсколько секундъ прислушивался къ страшному хрипѣнью и отчаянному визгу несчастной жертвы, приносимой въ утоленіе моего голода: ее терзалъ тупой ножъ леловкаго Грузина; полусонный, онъ машинально рѣзалъ и давилъ, а полузадушенные крики, подобно острымъ жаламъ, одипъ за однимъ впивались въ мое сердце; я былъ виновникъ этой страшной казни. Бѣдный пыленокъ долженъ былъ претерпѣть все ужасы насильственной смерти, и пожертвовать свое бѣлое тѣло для моего ужина. Заказывая этотъ преступный ужинъ, мнѣ и въ голову не пришло, что разбудятъ несчастныхъ неволь-

никовъ, отнять дѣтище у курицы, и повлечь его на казнь для того только, что я не довольствуюсь сухимъ хлѣбомъ съ пескомъ. Но въ эту минуту отвратительная истина явилась мнѣ во всей своей безобразной наготѣ. Среди ночи и безночія, въ уныломъ уединеніи, тяжелое впечатлѣніе привело во мнѣ отвращеніе къ самому себѣ, непріятное чувство на душѣ, которое усилилось до послѣдней степени, когда принесли мнѣ умерщвленнаго цыпленка; одна половина была изжарена, вся черная, облитая противнымъ саломъ; другая, о ужасъ, плавала въ густой жидкости, отъ которой распространялся могильный запахъ. Объятымъ страхомъ, я хотѣлъ бѣжать и требовалъ лошадей; но злой Нѣмецъ съ касмѣщливымъ видомъ сказалъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Въ эту минуту онъ показался мнѣ злымъ духомъ Душета, который коварно надевается надо мной и мститъ за то, что напрасно горѣли его Московскія свѣчи. Уже утрення заря слабо освѣщала эту сцену; я впалъ въ какое-то мертвое безчувствіе, и бросился на полуразвалившійся одръ. Тутъ безъ памяти пролежалъ я до поздняго утра. Лошади были запряжены, и меня повезли дальше.

До Тифлиса оставалось только 27 верстъ. На станціи Гартискаль Нѣмецъ также сказалъ мнѣ, что лошадей нѣтъ. Безнадежная скука овладѣла моимъ слабымъ духомъ, а брѣнное тѣло изнемогло отъ голода и томилось отъ палящаго и удушливаго зноя; *трубка отчаянія* дымилась въ засохшихъ устахъ; помятая голова не мечтала уже ни о чемъ; отдаленныя картины Персіи не отражались болѣе въ потускнѣвшемъ зеркалѣ воображенія; живительный огонь надежды не пробѣгалъ въ жилахъ разслабленнаго тала. Наконецъ дами мнѣ лошадей въ два часа по полудни. И вотъ я уже вижу Тифлисъ вдалекѣ; но какой Тифлисъ? совсѣмъ не тотъ, который я воображалъ, о которомъ грезилъ такъ давно! Гдѣ же онъ?— Увы, я уже не увижу его никогда: по мѣрѣ, какъ я приближаюсь къ настоящему Тифлису, ложный Тифлисъ, нарисованный моимъ воображеніемъ, изглаживается съ холста моей памяти; я отворотился отъ истины, и тщетно желалъ еще хоть разъ взглянуть на давнюю мечту свою. Она исчезла, и надо сказать, что настоящій Тифлисъ не такъ хорошъ и великъ; сырая и болѣе Европейскія его стренія печально стоятъ между голыхъ скалъ; не видно отрадной зелени и Азіатской